

ФОРМА СВИДЕТЕЛЬСТВА

Запись заключения, сделанного Хулианом Карроном
на международной встрече ответственных «Общения и освобождения»

Червиния, 29 августа 2016 г.

1. Определение свидетельства

«Обстоятельства, через которые Бог ведет нас, представляют собой главный, а не второстепенный фактор нашего призвания, нашей миссии. Если христианство – возвешение того факта, что Тайна воплотилась в человеке, то обстоятельства, в которых мы перед лицом всего мира занимаем по отношению к этому факту ту или иную позицию, определяют наше свидетельство (*L'uomo e il suo destino*. Genova: Marietti, 1999. P. 63).

Каждый из нас может судить о том, насколько соответствующим образом мы свидетельствовали друг другу о наших попытках жить христианством и сообщать его другим в нынешней исторической ситуации. Форму нашего свидетельства мы проверяем прежде всего для самих себя. Можно повторять одни и те же слова, но, если мы не совершаем такую проверку, все останется абстрактным. То, о чем мы говорим или что получаем, должно захватывать и увлекать в первую очередь нас самих, а иначе в этом не будет пользы и для других: если проговариваемое и получаемое не проходит через нас, не воплощается в нас, не пронизывает нас насквозь, что мы тогда сообщаем? Слова, слова, слова. Поэтому-то нет иного способа подытожить все нами сказанное, кроме опыта в настоящем.

Что же мы видели? Какой опыт получили благодаря всему увиденному и пережитому? И готовы ли мы следовать за тем, что в эти дни случилось с нами и на наших глазах? Мы должны быть послушны Тому, Кто творит все, что произошло с нами и вокруг нас. Признать Его просто: достаточно даже малейшей нежности по отношению к себе, малейшей любви к самим себе, к нашей жизни, к нашему свершению. Если же ничего такого не случилось, лучше уйти прочь, закрыть дверь, а ключ выбросить.

Мысль отца Джуссани продолжается следующим образом: «По тому, как мы достигаем этой позиции [формы свидетельства], становится ясно, живем ли мы и в какой мере принадлежностью, которая есть глубинный корень любой формы нашего самовыражения в культуре. В самом деле, то, как мы выражаем себя в культуре, зависит от принадлежности, вытекает из того, чему принадлежишь. Совершенно необязательно мы осознаем это на уровне теории, мы можем не понимать это должным образом, однако по факту именно то, чему мы принадлежим, оказывает решающее влияние на наше самовыражение в культуре» (*Ivi*). Наше самовыражение в культуре определяется тем, чему мы принадлежим, в чем участвуем. И потому, если мы не приобрели опыт принадлежности событию, произошедшему с нами, наше самовыражение в культуре неизбежно будет определяться чем-то другим, какой-то другой принадлежностью. Следовательно, наш способ пребывания в реальности заключается в проверке того, чему мы принадлежим.

Мы неоднократно повторяли эти слова, но, кажется, никогда не перестанем проникать в их смысл, постигать их важность, поскольку обстоятельства постоянно бросают нам вызов, с каждым днем становятся все более критическими и требуют от нас ответных действий, способных помочь нам лучше понять, что такое вера, что значит жить верой, какой опыт веры мы приобретаем в настоящий момент истории, в который определяется свидетельство, форма свидетельства. Действительно, невозможно жить верой вне истории, нельзя вообразить свидетельство, оторванное от истории. Мы живем не в безвоздушном пространстве, а в рамках тех или иных обстоятельств, перед лицом вызовов, в конкретный момент времени. Вот почему могут существовать разные формы свидетельства: они складываются в отношении с историческими обстоятельствами. Это не означает, что нужно отречься от истоков нашего опыта, истоки эти находят воплощение в исторических обстоятельствах таким образом, чтобы мы могли проверить, способны ли они вынести напор времени, давление перемен.

2. Изменение эпохи

Мы описали нынешние исторические обстоятельства словами папы Франциска: «Сегодня мы переживаем не столько эпоху перемен, сколько перемену эпохи» (*Обращение к участникам V Национальной встречи Церкви в Италии*. Флоренция, 10 ноября 2015 г.). Перемену эпохи! Какая открытость требуется от нас и от всей Церкви, чтобы принять вызов, которым является для нашей веры перемена эпохи! Он брошен всей Церкви и всем нам, а значит, перед нами стоит задача, и мы не можем от нее уклониться. Чтобы не уклониться, необходимо позволить обстоятельствам провоцировать нас – так мы найдем наиболее сообразную, наиболее соответствующую настоящему моменту истории форму свидетельства о вере. Вот почему на протяжении многих лет мы спрашиваем себя о том, что значит быть присутствием здесь и сейчас и какова наша задача в мире.

Как говорил Бенедикт XVI в тексте, который мы цитировали на упражнениях Братства, Церковь, существуя в рамках истории, призвана постоянно читать «знамения времени», чтобы понять, какая форма свидетельства является наиболее сообразной (Ср. *Любовью вечною Я возлюбил тебя, сжалившись над твоим ничтожеством*. С. 10–11). Такая необходимость возникла не сейчас, она всегда имела место в истории Церкви и в нашей истории, что прекрасно показано в книге Марты Бузани о зарождении «Студенческой молодежи» (M. Busani. *Gioventù Studentesca. Storia di un movimento cattolico dalla ricostruzione alla contestazione*. Roma: Studium, 2016). Движение возникло на фоне попыток амвросианской Церкви как-то отреагировать на усиливавшееся безразличие молодых людей к христианству, все больше воспринимавшемуся ими как нечто формальное и не связанное с жизнью. Так, заняв в 1955 году миланскую кафедру, Джованни Баттиста Монтини выразил желание найти «современное христианство, живое, новое, которое можно было бы передать грядущим поколениям» (*Ibidem*. P. 14). В своих пастырских начинаниях новый архиепископ старался победить уже видимые признаки отдаления молодежи и формализм, ставший, казалось, основной характеристикой переживания веры, и призывал всех помогать ему. Мы могли бы сказать, что отец Джуссани в полной мере откликнулся на его призыв.

Движение, по сути, было для отца Джуссани тем способом, каким он, со всей присущей ему чувствительностью, пытался свидетельствовать о Христе в конкретных исторических обстоятельствах. Движение есть форма, способ, с помощью которого Христос достиг нас, привлек и завоевал нас, с помощью которого мы заинтересовались христианством, а Христос стал действительным присутствием в нашей жизни. И это открылось нам в опыте, благодаря Его способности притягивать, привлекать нас и – если мы соглашаемся принадлежать Ему – менять нашу жизнь.

Описанный процесс никогда не останавливается, ведь обстоятельства постоянно меняются. Вот почему Церковь должна всегда внимательно всматриваться в знамения времен, чтобы найти сообразную форму свидетельства. Каковы же знамения нынешних эпохальных перемен? Мы можем назвать их, сославшись на людей, не принадлежащих к Церкви, но обладающих простым взглядом, необходимым, чтобы заметить характерные черты происходящего (неуверенность и страх) и выявить их причину. «Корни неуверенности, – сказал не так давно известный социолог Зигмунт Бауман, – весьма глубоки. Они проникли в наш образ жизни и отражают ослабление связей... распад общин, подмену человеческой солидарности соперничеством». Он добавлял, что, когда рвутся связи, возникает страх: «Страх, порожденный в ситуации неуверенности... распространяется на все аспекты нашей жизни» (*Alle radici dell'insicurezza / A cura di D. Casati // Corriere della Sera*. 26 luglio 2016. P. 7)

Это, по существу, тот же самый диагноз, который отец Джуссани еще более радикальным образом поставил двадцать лет назад. «Сегодняшнего человека отличает сомнение в бытии, боязнь существования, хрупкость жизни, собственная несостоятельность, панический страх перед невозможным, ужас несообразности между собой и идеалом». Он продолжал: «Такова суть вопроса, и отсюда нужно начинать путь к новой культуре и новой критике». Действительно, именно потребности современного человека, то есть каждого из нас, являются отправной и конечной точкой, на которую нужно ориентироваться в поисках решения проблемы. Предпринимая любые попытки, мы должны проверять, насколько они связаны с жизненной ситуацией современного человека. То, что не отвечает на его потребности, не заинтересует его, не заинтересует нас. «Сегодня мир вернулся к евангельской нищете. Во времена Иисуса главный вопрос заключался в том, как жить, а не кто прав» (*Corresponsabilità // Litterae Communionis – CL*. N.11. 1991).

3. Попытки дать ответ

В сложившейся ситуации, которую невозможно не принимать в расчет, неизбежно появляются разнообразные попытки ответить, культуры, соответствующие различным основополагающим позициям. Я осознаю, что в личной и общественной жизни существует множество измерений, делающих ее по-настоящему сложной, однако мне хотелось бы остановиться только на двух подходах, которые, на мой взгляд, сегодня наиболее распространены.

А. Стены

Первый мы могли бы обозначить словом «стены». Он состоит в возведении стен с целью хоть как-то отстоять то, что еще осталось, – одним словом, защититься. О нем нам часто напоминает папа Франциск. Заостряя внимание на такой позиции, я, конечно, не пытаюсь преуменьшить или обесценить значение мер безопасности и законов, позволяющих предотвратить насилие и должным образом оградить себя от возможной агрессии. Но достаточно ли этого? Достаточно ли этого прежде всего в связи со стоящей перед нами глубинной проблемой? Тот же Бауман с характерной для него пронизательностью бросает нам вызов: «Когда будут возведены новые стены, а аэропорты и общественные места получат усиленную вооруженную охрану, когда просящие убежища от войн и разрушений услышат отказ и множество мигрантов репатрируют, станет очевидно, насколько все это маловажно в устранении подлинных причин неуверенности» (*Alle radici dell'insicurezza. Op. cit.*). Папа подчеркивал то же самое несколько месяцев назад: «Я всегда говорил, что стены не решают проблем: мы видели, как пала одна из них. И она ничего не решила» (*Пресс-конференция в самолете во время возвращения с Лесбоса*. Греция, 16 апреля 2016 г.). Столь же маловажными в деле устранения подлинных причин неуверенности оказываются и идеологические противоречия, являющиеся разного рода формами возведения стен, ведь вопрос не в том, кто прав, а как жить в сложившейся ситуации. Неуверенность и страх нельзя преодолеть с помощью стен: они так глубоко пустили в нас корни, что, как говорит Бенедикт XVI, от них не избавиться лишь наружными средствами: «Человек просто не может быть искуплен извне» (*Энциклика *Spe salvi*, 25*).

Разве, выстроив стены, мы избавились от неуверенности, победили ее, нанесли ей поражение? Вспомним о некоторых настоящих стенах, возведенных в разных уголках мира: сделали ли они жизнь безопаснее? Подумаем о том, как мы закрываемся в наших четырех стенах, чтобы защитить оставшееся у нас пространство. Неуверенность куда-то делась? Лишь на первый взгляд, поскольку вирус продолжает жить даже в крепостях. Проблема связана в первую очередь не с внешними рисками, а с боязнью перед жизнью, с экзистенциальной неуверенностью, с обременяющими нас сомнениями насчет бытия. Поэтому-то (продолжу мысль Баумана), даже если мы строим стены «демоны, преследующие нас... не испарятся и не исчезнут. Вот тогда мы проснемся и выработаем [подходящие] антитела» (*Ibidem*) – если окажемся способны. Это проблема времени, а не разговоров, и значит, рано или поздно мы дойдем до решения.

Б. Диалог

Попыткам возводить стены можно противопоставить второй подход, который выражается словом «диалог». В этом году мы неоднократно убеждались: в наши дни множество людей, не раз потерпев поражение в идеологической борьбе, искренно принимают искать сообразный ответ на свои собственные потребности и на потребности других людей, и потому мы узнаём в них наших спутников – как это случилось с собеседниками, встреченными нами во время презентаций книги «Безоружная красота» (J. Carrón. *La bellezza disarmata*. Milano: Rizzoli, 2015). Недавнее прошлое сделало нас менее высокомерными и более открытыми к диалогу – в том числе и с людьми, казалось бы, совсем нам не близкими, с которыми, однако, нас роднят одни и те же вопросы. У нас совершенно разные, бесконечно далекие друг от друга истории и пути, но современная ситуация парадоксальным образом словно поставила нас всех на общую дорогу и сделала более готовыми слушать. Нам не чужд вызов, требующий от нас поиска сообразных ответов, и мы должны проверить, расположены ли принимать в расчет то, что в ходе диалога предлагают нам другие люди, и представляет ли для них ценность опыт, которым мы можем поделиться. Прав кардинал Торан, утверждающий, что в ситуации, когда как будто стоит задуматься о новых, более жестких формах ответа, необходимо без усталости подчеркивать неизбежную потребность в безоружном диалоге: «Всегда, при любых обстоятельствах ответ – в диалоге, во встрече... единственный возможный путь – безоружный диалог. На мой взгляд, вести диалог по сути означает

безоружно идти навстречу другому, неагрессивно неся собственную истину и притом не теряя ориентиров». Беседовавший с кардиналом журналист спросил у него, нет ли иного пути. «Совершенно точно нет. Мы обречены на диалог» (Un altro passo verso l'abisso ma il sangue si può fermare con il coraggio del dialogo / A cura di P. Rodari // *La Repubblica*. 27 luglio 2016. P. 8).

4. «Диалог есть жизнь»

Слово «диалог» определенно занимало центральное место в изначальном опыте «Студенческой молодежи», предложенном отцом Джуссани. В 1959 году, описывая в книге *Gioventù studentesca. Riflessioni sopra un'esperienza* так называемые «лучи» – встречи, участие в которых обозначало принадлежность к «Студенческой молодежи», он утверждал, что «проводить “луч” – значит вести диалог». «Диалог есть сообщение собственной личной жизни личным жизням других людей, диалог есть разделение существования других людей в твоём собственном существовании». Именно такую форму встреч отец Джуссани предлагал старшеклассникам, с которыми знакомился. И чтобы прояснить природу предлагаемого им «диалога», он противопоставлял приведенное определение другому известному значению, которое это слово обрело в полемике того времени, касавшейся школы. Речь о диалектике: «Разумеется, такой диалог [предлагаемый Джуссани] далек от рационалистического понимания, от восприятия его как диалектики, как более или менее прозрачного столкновения идей и интеллектуальных мерок. Наш диалог – взаимное сообщение самих себя через знаки слов, жестов, подходов. Упор делается не на идеи, а на личность как таковую, на свободу. Наш диалог есть жизнь, а идеи – лишь одно из ее проявлений» (Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 46).

Несколько лет спустя, в 1964 году, в тексте «Записки о христианском методе» (*Appunti di metodo cristiano*) отец Джуссани использует категорию диалога, чтобы определить миссию, присутствие в обществе членов «Студенческой молодежи». «Диалог – средство сосуществования со всей человеческой реальностью, сотворенной Богом. Поэтому диалог есть инструмент миссии». Можно утверждать, что «история Церкви – это история созидания единства, сотканная из способности ценить положительное, вести диалог. Достаточно вспомнить о встрече между христианством и различными культурами». Как отец Джуссани описывает диалог? «Диалог – это предложение другому того, чем живу я, и внимание к тому, чем живет он, продиктованное уважением к его человечности и любовью к другому, которые вовсе не предполагают моих сомнений на собственный счет». «“Другой” просто необходим для того, чтобы мое существование развивалось, чтобы то, чем я являюсь, было живо и подвижно. Диалог есть отношение с “другим”, кем бы и каким бы он ни был» (Ср. *Там же*. С. 146).

Диалог или диалектика. Поразительно читать все это в свете сказанного нами в начале встречи: «По тому, как мы достигаем этой позиции, становится ясно, живем ли мы и в какой мере принадлежностью, которая есть глубинный корень всего нашего самовыражения в культуре. В самом деле, то, как мы выражаем себя в культуре, зависит от принадлежности» (L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Op. cit. P. 63). Любая форма самовыражения в культуре рождается от принадлежности. Столкновение, диалектика, противостояние имеют своим началом «идеологические» воззрения, природа которых может быть какой угодно. Напротив, диалог по сути выражает христианский опыт, переживаемый в его истине. Если христианство – это благодать, безвозмездный дар, полученный во встрече, то что мы можем делать, как не разделять во встрече и неустанном диалоге с другими то, что нам было даровано? Приобщить их к истине, которую мы получили, возможно лишь одним способом – разделяя ее с ними, сообщая ее им посредством жизни, одним словом – в свидетельстве. Точно так же ведут себя те, кто, открыв для себя нечто важное в рамках другого опыта, хочет разделить открытое с окружающими.

Итак, любая форма нашего самовыражения в культуре представляет собой проверку на принадлежность. Мы убедились в этом и в последнее время: порой люди, на протяжении многих лет бывшие от нас далекими, вдруг становятся ближе, чем те, с кем мы живем под одной крышей. Причина в том, что жизнь никому не делает скидок.

Так случилось в середине шестидесятых годов, во времена, когда, по мнению Джуссани, начался кризис «Студенческой молодежи», разразившийся в шестьдесят восьмом: «Те, кто впоследствии покинул

“Студенческую молодежь” делали упор на таком понимании христианства, согласно которому оно на деле рассматривалось как форма нравственного долга и общественного вовлечения. Поступая подобным образом, они теряли из вида особую природу христианского факта и в конечном итоге неизбежно полагали свои надежды на человеческие действия и способность к организации, а не на безвозмездное действие Бога, с помощью которого Он пожелал войти в историю. На мой взгляд, такая позиция в этих людях не была еще осознанной или критически и теоретически обоснованной, однако на практике именно она вдохновляла их повседневную жизнь. В результате установился конфликт, который можно обрисовать следующим образом: по моему и других людей мнению, человека и мир спасают Христос и Церковь, чьим высшим выражением и знаком в истории является единство верующих (друг между другом и с теми, кто стоит во главе). <...> Другие же, напротив, сосредоточившись в первую очередь на практической и организационной деятельности, равно как и на решении общественных проблем, на которое их вдохновляли преимущественно потребности морального толка, возлагали все свои надежды на предприимчивые инициативы со стороны человека и на его способность действовать, не признавая в глубине души никаких иных ценностей кроме тех, которые могли бы найти выражение в этих инициативах. Таким образом, кризис, который так сильно нас сотряс, имел место уже к концу 1965 года» (L. Giussani. *Il movimento di Comunione e Liberazione. 1954–1986. Conversazioni con Robi Ronza*. Milano: Bur, 2014. P. 62–63).

Наша история бесконечно богата личными историями и опытом и дает нам все возможности увидеть, до какой степени верны слова отца Джуссани: не только потому что их произнес именно он, а потому, что сам ход вещей это подтверждает. В самом деле, если в определенный момент в силу переживания иного жизненного опыта меняется наша принадлежность, то и изменится и форма нашего самовыражения в культуре. И потому каждый из нас в той или иной форме самовыражения в культуре свидетельствует о своей принадлежности.

5. Происхождение форм нашего самовыражения в культуре

От чего же рождается позиция, которую мы занимаем в реальности? Только если мы определим, каковы истоки нашего самовыражения в культуре, где исходная точка наших попыток дать ответ, нам удастся ясно разглядеть путь и, сбившись с него, вернуться в колею. Откуда вырастают стены и возникают диалектика и противостояние? И с чего берет начало диалог как разделение жизни, как сообщение самих себя, а не как простое сопоставление идей?

А. Экзистенциальная неуверенность

Здесь, как всегда, на помощь нам приходит история. Для меня многое прояснилось (вы об этом уже не раз слышали), когда я увидел, как развивались попытки ответить на вызов шестьдесят восьмого года. Те, кто остался в Движении, старались подходить к нему так же, как это делаем мы в сегодняшних обстоятельствах. Это неизбежно: перед лицом вызова невозможно не попробовать ответить на него, особенно если мы хотим проверить, касается ли вера всех аспектов жизни. В августе 1982 года, выступая перед ответственными из университетской среды, отец Джуссани вспомнил о различных попытках, предпринятых нами в начале семидесятых годов, и разглядел корни нашего самовыражения в культуре. Он соотнес их с экзистенциальной неуверенностью. «Экзистенциальная неуверенность... глубинный страх... заставляют искать точку опоры в собственных способах самовыражения. Это наблюдение... крайне важно. Человек, исполненный неуверенности, испытывающий страх и экзистенциальную тревогу, подвластный им, ищет надежность в том, что делает: в культуре и организации. <...> Экзистенциальная неуверенность, глубинный страх заставляют принимать за собственную точку опоры, за причину <...> [собственной] состоятельности вещи, имеющие организованный характер или культурное значение» (L. Giussani. *Uomini senza patria. 1982–1983*. Milano: Bur, 2008. P. 96–97).

Но еще ужаснее для меня то, что он отмечает сразу же после этих слов: «Культурная и организационная активность не становятся выражением нового облика, нового человека». Причина очевидна: они указывают на нашу экзистенциальную неуверенность. В самом деле, продолжает Джуссани, «будь они выражением нового человека, то их могло бы и не быть – если обстоятельства не позволили бы, но человек удержался бы на ногах. Тогда как многие из присутствующих здесь людей без этих вещей не удержались бы на ногах, не знали бы, для чего они здесь, не знали бы, к чему прилепились: они не держаться на ногах и не обладают состоятельностью, потому что состоятельность моей личности – в присутствии Иного» (*Ibidem*. P. 97). Именно поэтому, в самом

начале студенческих протестов в ноябре 1967 года, он говорил студентам из Движения, присутствовавшим на одной из первых манифестаций в Миланском католическом университете: ваши попытки дать ответ «были весьма великодушными, но насколько они были истинными?» (A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bug, 2014. P. 391). Это суждение будет сопровождать нас до конца наших дней! «Великодушное» не тождественно «истинному». Наш порыв в направлении идеала и наше желание так выражать веру, чтобы отвечать на вызовы жизни, не избавляют нас механически от риска, при котором наша позиция становится результатом экзистенциальной неуверенности. Такая опасность нас подстерегает всегда и может порождать определенный способ пребывания в реальности (иными словами, культуру), не способный ответить человеку в его нынешней ситуации. Тогда, как сказал отец Джуссани в 1972 году, нам не удалось «придать нашим словам культурное измерение, вывести собственный христианский опыт на тот уровень, где он стал бы систематичным и критическим суждением и, таким образом, определенным руководством к действию» (L. Giussani. *La lunga marcia della maturità // Tracce*. N. 3. 2008. P. 63). Мы оказались не в состоянии придать нашей позиции культурный вес и у нас не всегда получалось выразить подлинную культурную позицию на высоте того опыта, что мы встретили.

Б. Уверенность

Какова противоположность экзистенциальной неуверенности? Уверенность. Откуда рождается способность к диалогу, ко встрече с другим, способность разделять наше существование с существованием другого? От уверенности. Я всегда с изумлением думаю об отце Джуссани: где он так научился смотреть на реальность? Чем он жил, что смог осознать, какая глубинная двусмысленность закралась в попытки ответить на вызовы шестьдесят восьмого года? Вот благодать, данная нам Богом: человек, который в определенный момент позволил нам увидеть, каковы были истоки наших усилий, и разоблачить двусмысленность, засевшую в них. Поэтому-то всякий раз мы могли восставать из собственного пепла. Как же тогда относиться к неустанным упрекам и выговорам отца Джуссани: как к немилости с его стороны или же как к подтверждению милосердия Христова, как к свидетельству о Христе, разворачивающемся на наших глазах ради того, чтобы мы не погрузились в ничто? Какой уверенностью должен был обладать отец Джуссани, чтобы не поддаться экзистенциальной неуверенности! В самом деле, все тогда были верующими: в 1982 году он не говорил о людях, ушедших из Движения, нет, он обращался к тем, кто остался и продолжал к нему принадлежать. И все же он не уставал напоминать нам, что существует риск действовать под влиянием экзистенциальной неуверенности, чтобы в нас, как и в нем, культурная позиция и действие проистекали из уверенности, порожденной верой.

Так Джуссани говорил нам, что есть способ понимать веру и жить ей, который может и не одержать верх над экзистенциальной неуверенностью. Как следствие, мы пребываем в реальности и, вероятно, даже великодушны, но насколько мы истинны? В 1981 году, сразу же после референдума об абортгах, на встрече ответственных Движения в Италии он говорил тем, кто совершенно справедливо заботился о том, чтобы вера нашла выражение в культуре: «Я спрашиваю вас, разве проблема превращения веры в культуру, ее способности выражаться в культуре, порождать культуру не связана в гораздо большей степени с уверенностью веры, нежели с умением претворять ее в культуру?» (Fraternità di Comunione e Liberazione. *Documentazione audiovisiva*. Consiglio nazionale di CL, Milano, 30–31 maggio 1981). Поразительно, что два утверждения о риске утратить подлинную культурную позицию разделены десятью годами (с 1972 по 1981 г.), но отец Джуссани продолжал стоять на своем, он не поменял суждения. Оно настолько укоренилось в нем, стало такой убежденностью, что он повторил его спустя десять лет, когда на сцену вышли другие герои, которые в свою очередь тоже отклонились от первоначального пути: проблема культуры – это проблема веры. И вот подтверждение того, что Христос по-прежнему пребывает в истории: Он свидетельствует нам в истории, в каком-то человеке, победу над ничто, над неуверенностью, над растерянностью.

Обратившись к истокам христианства, мы увидим, что уже в Евангелии на примере учеников описано то, о чем мы говорим: нет почти такой страницы, на которой не прочитывались бы два различных подхода к реальности – Иисусов и людей, следовавших за Ним. Речь не о том, кто за Ним не следовал, а о тех, кто принадлежал, скажем так, Его истории, о тех, кого Он называл Своими. Мы видим это по их реакции в эпизоде, где они просят послать огонь на самарян. Или когда Петр, который на протяжении лет, прожитых с Иисусом, день за днем наблюдал все, что происходило, видел безмерное богатство знаков и тем не менее продолжал действовать, отталкиваясь не от уверенности в отношении с Ним и потому оставаясь заложником своей неуверенности, рабом собственной

меры. В Гефсиманском саду он обнажил меч, а Иисус сказал ему: «Возврати меч твой в его место... или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?» (*Мф.* 26, 52–53). Откуда в Иисусе подобная уверенность, необходимая для того, чтобы не реагировать на основании диалектики? Как должен был Он смотреть на реальность! «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (*Ин.* 18, 11). Иисуса делает Иисусом Его диалог с Отцом, Его отношение с Отцом. Без них Он бы тоже в конце концов стал бы вести себя, как Петр.

Итак, Евангелие постоянно показывает нам два разных способа пребывания в реальности (о чем мы уже упоминали в других обстоятельствах): Иисусов и тех, кто был рядом с Ним. С такими же двумя взглядами мы столкнулись и в двух главных героях великого романа Виктора Гюго «Отверженные, Жане Вальжане и Жавере. Оба в определенном смысле верили, оба ссылались на веру, и тот и другой желали жить на ее высоте, но в каждом утвердился свой собственный подход. Интересен монолог Жавера (я сейчас говорю о замечательном фильме-мюзикле): «Там, во тьме скрывается беглец, отпавший от Бога, отпавший от благодати. Господь мне свидетель, я никогда не отступлю. <...> Боже, дай мне найти его, чтобы увидеть за решеткой! Я не успокоюсь до тех самых пор! [То есть до того момента, когда смогу расставить все по своим местам]. В этом я клянусь. Клянусь перед звездами!» (*Отверженные*. Реж. Том Хупер. США-Великобритания, 2012).

Это один из способов понимать задачу, поставленную перед человеком верой: необходимо привести мир в порядок. Напротив, поведение Жана Вальжана продиктовано иным опытом веры, пробуждено совершенно безвозмездным, потрясающим жестом милосердия со стороны епископа Диньского, и потому он, отталкиваясь от этого опыта, видит свою задачу в том, чтобы свидетельствовать о милосердии, которое было ему даровано. С одной стороны, мы видим непреклонное соблюдение закона ради наведения порядка согласно собственным представлениям о замысле Божиим, с другой же – знание человеческого опыта, в силу которого Жан Вальжан осознал: единственный сообразный способ вступать в отношения со всеми – тот же самый, что был применен к нему, и потому можно лишь разделять с другими милосердное действие Бога, совершённое в его жизни через монсеньора.

6. Путь уверенности

Итак, если мы выражаем себя в культуре, опираясь на уверенность, исходя из нее, то вопрос, друзья мои, заключается в том, как достичь уверенности, благодаря которой можно предстать безоружными перед реальностью и перед нынешними историческими обстоятельствами.

Опять же, если мы вернемся к истокам нашей истории, то увидим, как в тексте «Христианские ответы на проблемы молодежи», датированном 1955 годом и адресованном ответственным «Католического действия» в Милане, отец Джуссани писал, что задача христиан состоит не в том, чтобы «непосредственно изменить облик мира, разрешив его проблемы», а чтобы «нести Христа, то есть заронять в мире семя решения [проблем]» (*Realtà e giovinezza. La sfida*. Torino: SEI, 1995. P. 144). Что это значит? Ответ мы находим в другом тексте, вышедшем чуть ранее, в 1954 году: «Царство Божие нельзя измерять ни количеством людей, заполняющих церкви по определенным праздникам или в определенных обстоятельствах, ни ораториями, битком набитыми юными зрителями, собравшимися, чтобы посмотреть футбольный матч, ни приходскими кинозалами на большое количество мест», оно измеряется лишь его способностью «творить подлинную христианскую личность» (L. Giussani, C. Oggioni. *Conquiste fondamentali per la vita e la presenza cristiana nel mondo*. Milano: Presidenza diocesana milanese della Gioventù Italiana di Azione Cattolica, 1954. P. 20–21).

Как же рождается подлинная христианская личность? Прежде всего необходимо отметить, что в предложении отца Джуссани внимание полностью сосредоточено на личности, на человеческом «я», на «христианском чувстве “я”»: на этом он настаивал с самого начала существования «Студенческой молодежи» до конца жизни. Подтверждением тому служит уже процитированный текст 1955 года «Христианские ответы на проблемы молодежи», где отец Джуссани подчеркивает важность желания как образующей составляющей человека, субъекта, личности. Именно оно изначально определяет человеческое «я». Вот в чем новизна его подхода: в те времена в католической среде и в связанных с ней системах мысли к желанию нередко относились с некоторой осторожностью, если не сказать с подозрением. Подчеркнутая важность желания свидетельствует о характерной для предложения отца Джуссани всецелой сосредоточенности на «я», на личности, рассматриваемой в ее конкретности и самобытности. Он писал: «Одно явление прежде всех других туго

натягивает лук человеческой жизни; это явление, лежащее в сердцевине любого человеческого интереса, явление, высвобождающее, подобно пружине, любую проблему, – желание. Желание, подталкивающее нас к решению проблем, желание, представляющее собой выражение нашей человеческой жизни и в конечном счете воплощающее ту глубинную притягательность, с помощью которой Бог призывает нас к Себе» (L. Giussani. *Realtà e giovinezza. La sfida*. Op. cit. P. 127).

Насколько иначе в сравнении со всеми остальными он воспринимает желание! Для отца Джуссани оно воплощает глубинную притягательность, с помощью которой Бог призывает нас к Себе.

Какое утешение мы обретали бы всякий день, если бы учитывали все то, что имеется в нашем распоряжении и способно помочь нам осознать, кем мы являемся! Вспомним шестьдесят второй псалом: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя». Что есть эта жажда если не желание? Жажда! «По Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной... так я искал Тебя». Лишь человек, испытывающий подобную жажду, способен осознать важность того, что с ним случилось, то есть что «милость Твоя лучше, нежели жизнь» (ср. *Пс.* 62, 2–4). Жажда и благодать. Желание и присутствие, отвечающее на него.

За многие годы Джуссани никогда не отступал от этой глубокой сосредоточенности на личности, на «я» и тем самым позволил и нам постоянно возвращаться на верный путь. Подтверждение тому – текст 1998 года (предыдущий был написан в 1955-м, а этот в 1998!). Во время встречи со студентами на вопрос одного из них о том, почему Движение так настаивает на важности «я» и почему оно настаивает на нем только теперь, Джуссани говорил: «Ты сказал “только теперь”, и я вынужден тут же ответить: потому что у истоков Движения стояла как раз проблема личности! А личность – это отдельный человек, личность – это отдельный человек, говорящий “я”... Как бы то ни было, в первые годы, в первое десятилетие, до того, как наступил 1968 год, поднявший великое волнение и лихорадочно поставивший вопрос не столько о “я”, сколько о его действиях в обществе, о завоевании власти [вот где произошло отклонение от изначального пути]..., до 1968 года я в начале любых упражнений затрагивал тему, выраженную одной фразой Иисуса...: “Какая вам польза, если вы приобретете весь мир и потеряете самих себя?” Даже более того, Он говорит буквально следующее: “Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а себя самого потеряет? Или какой выкуп даст человек за душу свою?” <...> Вот почему наши слова, содержание наших разговоров всегда сосредоточено на человечности, на человеческой ценности вещей; человеческая же ценность связана не с “человечеством”, а с отдельным человеком, с личностью». И далее: «Фраза Иисуса, которую я тогда повторял множество раз как непрерывный рефрен, начиная с 1968 года слегка подзабылась, но сейчас мы вернулись к ней, потому что результаты, к которым привела политика, или “революция”, показали, какими крайностями чреват недостаток сознания, самосознания “я”. Сегодня нам кажется более ясным то, о чем он говорил в 1998 году: «В наши времена мы как бы достигли песчаного, засушливого берега, человеческой пустыни, где наказанию подвергается “я”: не общество, а “я”, поскольку ради общества уничтожаются любые возможные и воображимые “я”. Для нас же общество рождается благодаря существованию “я”. <...> Как бы то ни было, сейчас развитие Движения, его динамика достигла той точки, в которой становится ясно... что единственный способ затормозить натиск власти заключен в вершине космоса, каким является “я”, и в свободе [поразительно!]. Единственный способ, все еще доступный нам, – решительный возврат к христианскому чувству “я”. <...> Итак, мы с самого начала настаивали на ценности “я”, как от нас того просили обстоятельства, потому что мы всегда стремились решать проблемы, отталкиваясь от обстоятельств жизни... Подчеркивание ценности “я” стало не только причиной углубления, развития религиозности как основополагающей категории “я”, но и пленительным источником отношения со всеми уровнями познания» (L. Giussani. *In cammino. 1992–1998*. Milano: Bur, 2014. P. 337–343).

Следовательно, подчеркивание ценности “я” есть развитие религиозности, чувства Тайны. Опираясь на нее, отец Джуссани вверил нам также и задачу: «Фраза Иисуса, которую я вам процитировал, трагична, но трагично также и то, что я никогда не слышал, кроме, может быть редких случаев, как ее цитируют другие, поскольку для нас в самом начале она была настоящим ориентиром. Поэтому осуществляйте ее вы, претворяйте в жизнь эту динамику, развивайте вы динамику, которую мы продвигали в течение многих лет, эту основную причину нашей дружбы, нашей компании и нашей дружбы, состоящую в свершении сердца, потребностей сердца, без которого единственным возможным исходом был бы нигилизм» (*Ibidem*. P. 344).

Все это очень важно. Мы либо следуем определенной дорогой, либо впадем в нигилизм. Вот почему он побуждал нас идти вперед: «Осуществляйте... развивайте вы... причину нашей дружбы, состоящую

в свершении сердца». Лишь свершение сердца отвечает на ничто: не стены и не диалектика, а наш опыт, в котором побежден нигилизм, в котором победа над нигилизмом одержана именно в силу переживаемого нами опыта. Свершение сердца есть проверка веры. И только в силу такой проверки веры, такого свершения, такой уверенности мы сможем выразить себя в культуре сообразно обстоятельствам, в которых призваны жить, с учетом всех измерений реальности. Вот почему отец Джуссани предлагал нас персонализировать веру, о чем он говорил с самого начала, равно как и о проверке – это слово было главным с самого начала истории Движения, ведь вопрос – тогда, как и сейчас – заключается в порождении субъекта. Удивительно, на что отец Джуссани возлагает надежду! «Чем сложнее времена, тем важнее становится субъект... Важен субъект, а субъект... есть сознание о событии, о событии Христа, Который стал для тебя историей во встрече и Которого ты признал. Мы должны сотрудничать, помогать друг другу воспитывать новых субъектов, людей, живущих сознанием о событии, становящемся для них историей. В противном случае мы можем устанавливать организационные сети, но при этом ничего не создаем, не даем миру ничего нового. И потому рост Движения измеряется воспитанием личности в вере, в признании события, ставшего историей. Христос стал историей для тебя... Он внутри твоего существа» (L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo*. 1990–1991. Milano: Bur, 2013. P. 39).

7. Опыт проверки веры

Если мы хотим достичь уверенности, которая сделает нас новыми людьми, нет другого способа, кроме как проделать тот же путь, что был предложен нам с самого начала. Нужно не разглагольствовать, а вновь переживать опыт, позволяющий проверить, отвечает ли вера на наше желание, на наши человеческие потребности. Разговаривая с самарянкой, Иисус обратился к желанию, к жажде этой женщины, а не к ее неуклюжим попыткам достичь удовлетворения, ведь если бы Он выявил ее ошибки, но не ответил бы на ее жажду, она повторно совершила бы их. Ход мыслей меняет не просто некое утверждение, а опыт, частная история: личный опыт, который исполняет наше желание и потому помогает нам иначе смотреть на реальность, иначе относиться к ней. Вот почему отец Джуссани с самого начала поднимал тему опыта, проблему опыта. Сейчас мы можем лучше осознать, насколько это важно. В письме к Монтини, написанном в 1962 году, отец Джуссани, стремясь прояснить причины, по которым он так настаивал на опыте, подчеркивал, что «обычно “христианским словам”» в сознании молодых людей не соответствует «никакой конкретный призыв». Школьникам казалось, что «христианское вероучение абстрактно и ничего не значит для их существования». Таким образом, опыт был необходим, чтобы они могли понять идеи, выражающие на интеллектуальном уровне христианство, и жить ими. Именно личный опыт позволял им заново и более глубоко открыть для себя учение Церкви (*cf.* M. Busani. *Gioventù Studentesca...* Op. cit. P. 484, 231). Если мы не совершаем такую работу, то и для нас слова утратят свой смысл и нам не удастся удержать их.

По этим причинам опыт играет решающую роль – опыт каждого из нас. Однако, как всегда учил нас отец Джуссани, необходим критерий его проверки, совпадающий с «религиозным чувством», то есть с конечными вопросами разума, с совокупностью изначальных потребностей и очевидностей, в свете которых человек сопоставляет себя со всем сущим и которые Джуссани, восприняв и развив тему, затронутую Монтини в пастырском письме 1957 года, вывел на первый план. Так религиозное чувство становится критерием проверки, выявляющей убедительность христианства, той традиции, что когда-то получили ребята из «Студенческой молодежи».

В первые годы существования «Студенческой молодежи» слово «проверка» было одним из наиболее употребимых. Сама жизнь этого объединения считалась проверкой, возможностью проверить христианскую весть, то есть понять, отвечает ли Христос – и, если да, каким образом – на человеческое желание. В тот период отец Джуссани утверждал: «Почти сразу же возникла проблема. “И вот теперь, когда нас десять, двадцать, тридцать, что будем делать?” – спрашивал я. Поначалу мы разговаривали, как обычно происходит всюду, но я ощущал неотложную потребность в том, чтобы полный радости и уверенности порыв, рождавшийся от возвещения, становился более зрелым. Так утвердился программный подход, который мы назвали *проверкой*. Если Христос – действительно ответ на жизнь, это должно быть так или иначе “видно”» (L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma-Milano: EDIT-Il Sabato, 1993. P. 341). В «Заметках о христианском методе» он писал: «Встреча, которая не содержала бы в себе призыва и предложения, подлежащего проверке, являлась бы настолько пустой, что даже не сохранилась бы в памяти как встреча; она

была бы событием столь бесполезным, что даже не принадлежала бы истории» (L. Giussani. *Il cammino al vero*. Milano: Rizzoli, 2006. P. 146–147). Можем ли мы сказать что-либо более актуальное? Это наблюдение заставляет нас быть внимательными и всерьез принимать предостережение отца Джуссани, о котором рассказывает книга Савораны: «“Можно достичь предельной верности в использовании метода как некой формулы и передавать его, но при этом метод не будет и дальше вдохновлять на развитие. Метод, не развивающий жизнь, подобен могиле, это силикатизация, окаменение”» (*Vita di don Giussani*. Op. cit. P. 254). Мы избежим риска обратить метод в камень, если не ограничимся повторением слов «опыт» и «проверка» и будем действительно приобретать опыт и совершать проверку того, что нам дается, – а это совсем другое дело по сравнению с простым повторением слов.

Как понять, приобретаем мы опыт или нет, совершаем ли проверку? По тому, от чего мы отталкиваемся – от уверенности или неуверенности. Повторение слов не побеждает неуверенность. Лишь опыт и проверка веры побеждают неуверенность. Поэтому вопрос не в том, кто прав, а в том, есть ли перед тобой кто-то уверенный. Уверенный же человек распознается по его образу жизни, по способу пребывать в реальности. Знаете, какая у него отличительная черта? «Уверенность в том, что я люблю, позволяет мне обнимать реальность», – сказал один из вас. В подтверждение этого послушаем удивительные слова отца Джуссани, сказанные во время студенческой встречи в 1980 году: «Признак уверенности – симпатия ко всему, что встречаешь. Действительно, симпатия ко всему, что встречаешь, рождается исключительно от наличия у нас уверенности в судьбе. Без уверенности невозможна симпатия, разве только формальная – к тем, кто повторяет наши слова и кто согласен с нами [мы ищем тех, кто с нами согласен]... Чем сильнее в человеке уверенность сознания, тем его взгляд способнее объять все – даже привычные вещи, встречающиеся на пути, увидеть ценность во всем; от него ничего не ускользает. Он замечает даже один желтый лист в зеленой кроне». Мы с легкостью можем распознать, тех, кто обладает подобной уверенностью, отличить людей, возводящих стены, от обнимающих все, склонных к диалектике от готовых к диалогу, вечно обсуждающих, как все должно быть, от рассказывающих о своем опыте, разделяющих с другими события собственной жизни и обнимающих все, умеющих видеть ценность во всем, ничего не упускающих из вида – даже одного желтого листа в зеленой кроне. «Только уверенность в конечном смысле позволяет нам, словно некому *детектору*, ощущать даже мельчайшие крупинцы истины в карманах любого человека [представьте себе *детектор*, способный определить, что у другого в карманах!]. И для дружбы с кем-то необязательно, чтобы он осознал, что ты говоришь правду, и пошел за тобой [те, кого мы встретили во время презентаций книги «Безоружная красота» не должны непременно пойти за нами]. В этом нет необходимости, я пойду с ним ради тех крупинц истины, которые у него есть» (L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose. 1979–1981*. Milano: Bur, 2007. P. 1552156). И еще, как мы уже не раз вспоминали в последнее время: «Нужно подчеркивать положительность, несмотря на ее ограниченность, а все остальное предавать милосердию Отца» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P. 159).

8. Как определить форму свидетельства?

Форма свидетельства выявляется лишь в ходе вышеописанного пути. Наши разговоры нередко свидетельствуют о риске свести свидетельство к своего рода стратегии. И правда, мы всегда стараемся избавиться себя от необходимости проделать путь. Свидетельство не стратегия, которую нужно придумать, разработать, и не какой-то новый пароль, который нужно повторять. Это иной способ находиться в реальности, возникающий в результате проверки веры: мы с удивлением замечаем, что начинаем как-то иначе относиться к жизни. Объятые уверенностью во Христе, испытывая ни в каком другом случае невозможную полноту привязанности, мы способны на все смотреть иным, более истинным, более свободным образом, и нас первых изумляет этот новый взгляд на реальность. Мы изумляемся. Плод христианского существования – изумление, ощущаемое на пути принадлежности Христу. Изумление не только перед лицом других, но прежде всего перед самими собой: я вдруг замечаю в себе движение, исходящее не от меня, способы действовать, отличные от прежних.

Поэтому не стоит путать форму свидетельства со стратегией, а также сводить ее к хорошему примеру, к нашему соответствию каким-то требованиям, о чем сказал мне один из вас: «У меня проблемы с выражением “форма свидетельства”, поскольку, задумываясь о моем свидетельстве, я вижу все мое несоответствие».

Вот что поразительно: Бога ничуть не останавливает наше несоответствие, и это отчетливо видно, когда Он, желая явить Себя в действии, избирает своим инструментом нечто совершенно несоответствующее: бесплодность. Чтобы сказать людям, что это Он вершит всем, Бог позволяет родить неплодным женщинам (вспомним о библейских фигурах Сары, Анны, Елизаветы). Следовательно, свидетельство зависит не от соответствия, а от того, открывает ли человек в себе то, что он не мог произвести своими силами, ведь именно тогда он и начинает свидетельствовать о Том, Кто сделал для него возможным такое чудо. Наше свидетельство принадлежит Христу, Сам Христос свидетельствует о Себе через нашу жизнь. Поэтому-то и нельзя умалить свидетельство до хорошего примера. неплодная, рождающая дитя, не лучше прочих: если она, неплодная, рождает на свет дитя, то только потому, что Другой действует в ней. Такие факты свидетельствуют о Христе, Который позволяет им происходить. Значит, мы должны перестать беспокоиться о нашем несоответствии и сводить свидетельство к хорошему примеру: да, последний является частью свидетельства, но не играет главной роли. Свидетельство прежде всего принадлежит Христу, Сам Христос свидетельствует о Себе через изменения, которые Он производит в нашей жизни и с которыми я свободно соглашаюсь. Об этом говорит святой Павел: «Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам» (2 Кор. 4, 7). И поэтому отец Джуссани описывает встречу со Христом как столкновение с инаковой человеческой реальностью. Ты сталкиваешься с «качественно отличной от других» человеческой реальностью, в которой улавливаешь «отличную от других жизнь»: «Сколько раз и сколько из нас слышали, как им говорили: “Ты не такой, как все, ты чем-то отличаешься”». Итак, «встреча есть столкновение с неким качественным отличием, или... с инаковостью, “столкновение с инаковостью, притягивающей тебя”». Именно через инаковость, притягивающую тебя здесь и сейчас (тебя притягивает инаковость, которую ты видишь в другом), Христос становится присутствием в настоящем. И Он притягивает тебя «в той мере, в какой проходит сквозь фильтр сопоставления и работы суждения». Ты понимаешь, что инаковость притягивает тебя, поскольку она больше, чем все остальное, соответствует твоему сердцу; инаковость притягивает тебя, поскольку она прекрасней всего остального. Инаковость притягательней и «прекрасней всего остального, поскольку она истиннее, ведь прекрасное есть сияние истинного». И поэтому она не может не быть безоружной. «Эта инаковость прекраснее всего остального, потому что истиннее, и она больше остального тебе соответствует, притягивает тебя, то есть больше соответствует». Джуссани настаивал: «Она прекраснее, потому что истиннее, а критерий истины – сердце» (L. Giussani. *Ciò che abbiamo di più caro*. 1988–1989. Milano: Bur, 2011. P. 72).

Такого понимания нельзя достичь автоматически, оно не происходит без нашего участия, для него нужна наша открытость. «Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (Лк. 1, 45). Блаженна ты, Мария, доверившаяся слову Божию и проверившая его. Поэтому слова Елизаветы – это признание того, что произошло с ней, когда перед ее глазами предстала Богородица: младенец, которого она носила во чреве, взыграл, восторженно. «Когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем» (Лк. 1, 44). Подобным образом и наша готовность позволить Другому породить нас свидетельствует о нашей принадлежности. Только по-настоящему уверенный человек способен принять вызов, выраженный в сознании, которого Церковь достигла на Втором Ватиканском соборе: нет иного пути, чтобы сообщить истину, кроме того, что пролегает через человеческую свободу. «Истина насаждается силой самой же истины» (Декларация *Dignitatis Humanae*, 1). У истоков пространства свободы – полнота Бога, полнота, которой живет Бог. Я все еще помню, насколько был поражен, узнав, что, согласно верованиям, распространенным в Месопотамии, боги сотворили людей, чтобы избавить себя от бремени труда. Напротив, Бог Авраама, являющий Себя во Христе как Троицу, живет в триедином общении полнотой, способной породить свободное создание, с которым Он может свободно разделить эту Свою полноту. И потому Бога не пугает человеческая свобода: Он Сам сотворил человека свободным, предпочитая быть признанным и любимым свободно, свободной личностью, как напоминает нам Пеги: «Этой свободе... Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми, / Свободно» (Ш. Пеги. *Мистерия о младенцах Вифлеемских / Избранное. Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 341).

Вот почему наша задача состоит не в том, чтобы непосредственным образом менять облик мира, разрешая его проблемы, а чтобы нести Христа – семя решения проблем.

9. Задача

Итак, какова цель нашего Движения? Порождать уверенных зрелых людей, взрослых людей, обладающих уверенностью, которая позволила бы им занять самобытную и подлинную позицию в отношении любого измерения человеческой жизни, личной и общественной. Подлинная позиция связана с самосознанием, с сознанием, полным веры, с тем сознанием веры, которое дает нам настоящую уверенность. Чтобы пребывать в реальности, чтобы смотреть на нее правильным взглядом, необходима уверенность, рождающаяся от веры, а иначе мы будем исходить из других позиций (по той простой причине, что нужно хоть из-чего исходить). Так случилось с Марией Магдалиной перед пустым гробом: несмотря на все увиденные ею чудеса, она не могла не плакать, потому что события прошлого не давали ей уверенность, достаточную, чтобы предстоять перед смертью. Нельзя жить за счет благочестивых воспоминаний, нельзя жить на основании того, что ты ел и пил с Ним, жить можно лишь благодаря чему-то происходящему здесь и сейчас. Необходимо присутствие. Когда Иисус произнес: «Мария!» (ср. *Ин.* 20, 11–18), – Он словно сказал ей: «Не плачь!», – и это связано с верой. Так какая же вера нам нужна? Какого рода уверенность? Какое присутствие Христа требуется в жизни, чтобы нашу позицию определяли не плач, неуверенность и страх, чтобы мы не терпели поражение, несмотря на все то, что видели? Христианство есть присутствие в настоящем, и все прошлое, все пережитое, истина всего пережитого, проверяется, испытывается в настоящем, в том, как мы встречаемся с настоящим. Плач Марии Магдалины всегда будет у нас перед глазами, потому что, если Он не продолжает присутствовать, никакого прошлого не хватит, чтобы остановить слезы.

Напротив, когда Он присутствует, наши общины рождаются заново. Наши друзья пишут: «В конце отпуска на море, проведенного совершенно не формальным образом в компании шестнадцати семей из Варезе и Фрибура, у нас возникло желание собрать свободное пожертвование и передать его Братству. Причина такого решения – в изумлении и благодарности за эти дни, в течение которых в свете совместной работы над упражнениями и текстом встречи с новыми членами Братства мы пережили опыт истинной дружбы во Христе и поняли, насколько обогащает нашу жизнь путь в Движении и принадлежность к нему в рамках Братства».

Только лишь переживая опыт подобного возрождения наших общин, мы можем ответить на призыв, обращенный к нам папой Франциском: «Возрождению утомленной, но все еще богатой силой и возможностями Европы может и должна содействовать Церковь. Ее задача совпадает с ее миссией – возвещением Евангелия, которое сегодня более, чем когда либо означает идти навстречу человеческим ранам и нести простое и сильное присутствие Христа, Его утешающее и вдохновляющее милосердие. Бог желает обитать среди нас, но Он достигает людей только посредством тех, кого взволновал, как и великих благовестников континента, и кто живет Евангелием, не ища ничего иного [тех, кто ищет Его днем и ночью, говорил нам отец Джуссани в шестьдесят восьмом году]. Только Церковь, богатая свидетелями, в состоянии снова оросить чистой водой Евангелия корни Европы [и всего мира, потому что во всем мире проблема одна и та же]. Путь христиан к полному единству является великим знаменем времени, но вместе с тем и безотлагательным ответом на зов Господа: “Да будут все едино”» (Франциск. *Речь на вручении премии Карла Великого*, 6 мая 2016 г.).

Об этом свидетельствовал нам отец Джуссани: «В конечном счете христианство завоевало мир одним все в себя вбирающим словом – “милосердие”» (*Generare tracce nella storia del mondo*. Op. cit. P. 159).